

The background of the cover is a complex, abstract geometric drawing. It features a variety of lines, including solid and dashed, that intersect to form a series of three-dimensional shapes, primarily rectangular prisms and cubes, some of which are tilted at various angles. A prominent feature is a hexagram (a six-pointed star) located near the top center, which appears to be a wireframe or a projection of a more complex shape. Several dashed lines with arrowheads at their ends radiate from different points, suggesting movement or direction. The overall style is technical and architectural, reminiscent of a complex diagram or a blueprint.

РОМАН ГОЛОВОЛОМКА

ТИМ ПАУЭРС

ТРИ ДНЯ
ДО НЕБЫТИЯ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
П21

Серия «Роман-головоломка»

Tim Powers
THREE DAYS TO NEVER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Перевод с английского: *Галина Соловьева*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Татьяны Веряйской*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Пауэрс, Тим

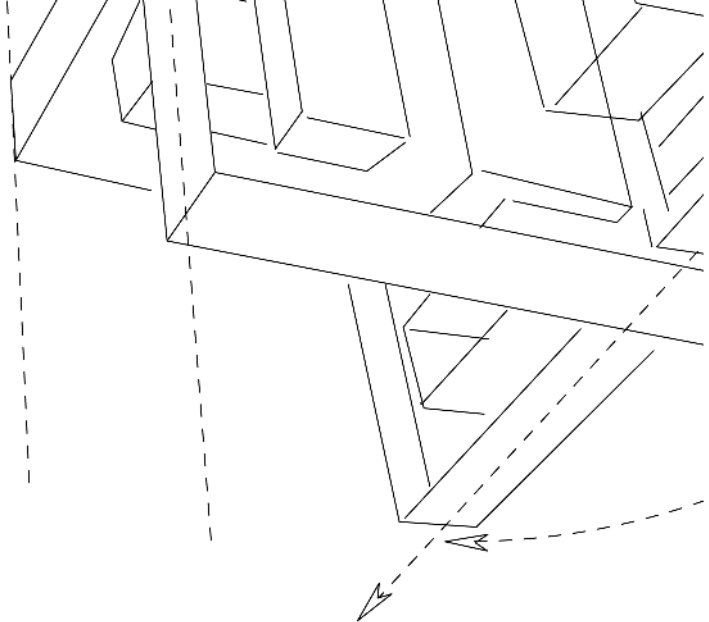
П21 Три дня до небытия / Тим Пауэрс. — Москва: Издательство
АСТ, 2018. — 508, [2] с. — (Роман-головоломка).

ISBN 978-5-17-098758-0

Когда к Дафне Маррити попадает странный фильм, вызывающий у людей приступы пирокинеза, сжигающие все вокруг, она и ее отец Фрэнк попадают в центр мирового заговора, в котором участвуют не только государственные спецслужбы, но и тайное общество, созданное еще в Средневековье. Вскоре на отца совершает нападение слепая убийца, а с Дафной прямо из выключенного телевизора говорит призрак, и постепенно Маррити понимают, что подлинная история XX века имеет мало общего с той, что изложена в учебниках, а реальность гораздо страшнее, чем кажется. Только это еще полбеды, ведь теперь отец и дочь стали участниками жуткой игры, поражение в которой хуже смерти, так как им в руки попал ключ к уничтожению не только того, что будет, но и того, что уже было. И все это как-то связано с последним изобретением Альберта Эйнштейна, Чарли Чаплином и «Бурей» Уильяма Шекспира.

© 2006 by Tim Powers
© Галина Соловьева, перевод, 2017
© Татьяна Веряйская, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Посвящается Крису и Терезе, с благодарностями
Ассафу Ашери, Майку Баксу, Джону Бьереру,
Джиму Блэйлоку, Диди Канок, Расселу Галену,
Патриции Джаари, Тому Гилкристу, Рани Графф,
Джулии Гальперин, Джону Герцу, Джону Ходжу,
Варнуму Хани, Пэту Хью, Барри Левину, Брайану
и Кэти Маккалеб, Карен Мейснер, Денни Мейеру,
Эрику Нилунду, Айе Шачам, Дэйву Сандовалу,
Биллу Шейфа, Суниле Сен Гупта,
Дэвиду Зильберштейну, Кристине Собреро,
Эду Томасу, Вереду Тохтерману, Гаю Винеру,
Хэзит Винер, Наоми Винер, Пар Винцелль
и Майку Яновичу*

Пролог

Я, смерть отца оплакивая горько,
сидел на берегу. Вдруг по волнам
ко мне подкрались сладостные звуки.

Уильям Шекспир. Буря ¹

Скорая помощь, подпрыгнув, вылетела со стоянки у медцентра «Милосердие» и свернула на юг по Пэйн-стрит, мигая красно-голубыми огнями, еле видимыми в полуденном солнце, и оглашая сиреной безоблачный небосвод. На Ист-Лэйк-стрит скорая свернула налево, уходя от пробок в южной части города, куда сообщения о чудесном явлении ангела в чьем-то телевизоре привлекло в эти выходные сотни паломников.

На мемориальном шоссе Эверетта машина повернула на север и прибавила скорость. Через пять минут

¹ Здесь и далее цитаты из «Бури» в переводе М. Донского.

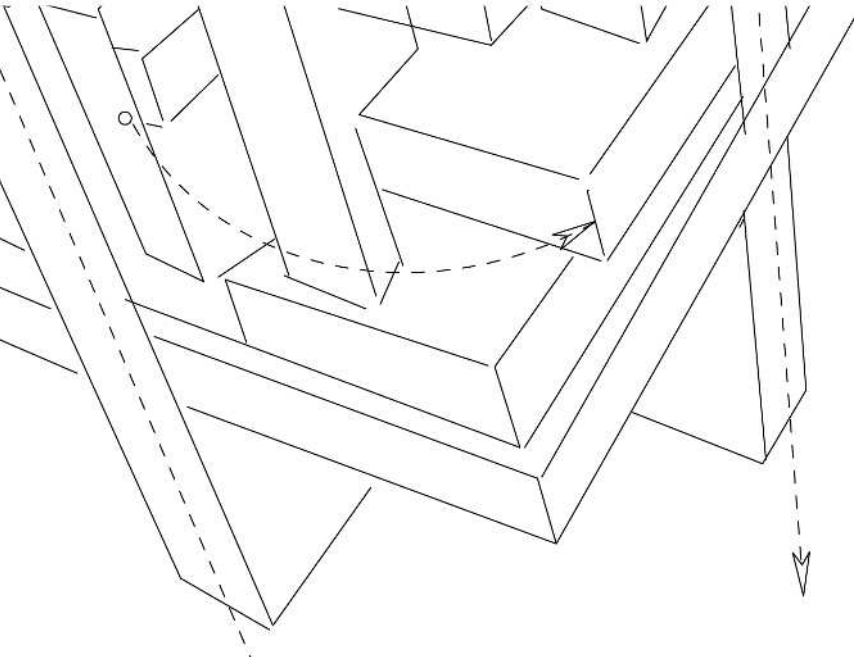
город остался позади, и она стала подниматься по узкой асфальтовой ленте через прохладный сосновый лес, а потом шоссе изогнулось к востоку, и над лесными вершинами выросли белые пики Шаста и Шастина.

Когда дорога запетляла по горному склону, движение стало плотнее: фургоны-фольксвагены, походные трейлеры, автобусы, а склоны были усеяны автостопщиками в джинсах и штормовках, с рюкзаками на плечах.

Красно-белая скорая виляла по дороге между другими автомобилями и снова набрала скорость, только когда шоссе выровнялось, проходя мимо кемпинга Банни Флэтс. Парковка Пантер-мидоус в трех милях отсюда была забита легковушками и фургонами, но больница послала радиogramму с предупреждением, и сотрудники Лесной службы расчистили проезд на северный край стоянки, откуда между деревьями уходила в лес колея.

На прогалинах вокруг колеи празднично гуляли, глазели в небо или медитировали, собравшись в круг, люди, из леса долетали крики детей и звон колокольчиков. Двое парамедиков в белом вышли из машины и двинулись с носилками сквозь море бород, седых конских хвостов и пастельных халатов, от которых резко пахло пачулевым маслом, смешанным с ароматом пихты Дугласа, которым пропитался прохладный ветерок. Далеко им идти не пришлось, потому что шестеро мужчин успели соорудить носилки из фланелевых рубашек и веток вишни и сами принесли обмякшее тело с альпийских лугов Скво-мидоу; тело было завернуто в старое бурое армейское одеяло и украшено шастинскими маргаритками и белыми цветами земляники.

Парамедики переложили тело старухи на свои носилки из алюминия и нейлона, и через несколько минут скорая унеслась вниз, уже без сирены. На поляне Скво-мидоу те из гулявших, кто не был занят носилками, гнули в разные стороны свастику из золотой проволоки, разрывали ее руками, так как складного ножика ни у кого не нашлось.

Действие первое

КНИГИ Я УТОПЛЮ

Я все устроил,
заботясь о тебе, мое дитя,—
О дочери единственной, любимой!
Ведь ты не знаешь, кто мы и откуда.
Что ведомо тебе?

Уильям Шекспир. Буря

1

- Не похоже, чтобы он горел.
- Да,— ответил отец, щурясь и заслоня ладонью глаза. Они остановились посреди заросшего сорняками двора.
- Она точно сказала «сарай»?
- Да. Она мне сказала: «Я сожгла сарай Калейдоскоп».

Дафна Маррити села на траву и, оправляя юбку, рассматривала обветшалую серую халупу в тени раскидистого авокадо. Вздумай хибару кто-то поджечь, она, пожалуй, сгорела бы в одну минуту.

Латаная шиферная крыша просела посередине, а два пыльных окошка в деревянных рамах по сторонам закрытой двери чуть не вываливались из обшитой досками стены — в дождь все это, наверно, протекало насквозь.

Дафна знала по рассказам, что отец с тетей в детстве убегали играть в этот сарай, хоть им и не разрешали. Дверь была такой низенькой, что даже Дафне пришлось бы пригнуться под притолокой, а девочка была не такой уж высокой для своих двенадцати лет.

Наверно, тогда они еще и в школу не ходили, подумала она. А может, дело в том, что я родилась в 1975-м, а нынешние дети растут быстрее, чем в те времена.

— Дерево бы тоже сгорело,— заметила она вслух.

— Тебя сейчас всю муравьи облепят. Может, ей это приснилось. Вряд ли она так... э... пошутила.

Отец хмуро огляделся, его все это явно раздражало. Он вспотел, хотя и нес куртку, перекинув через руку.

— Под кирпичами золото,— напомнила ему Дафна.

— Это ей тоже приснилось. Знать бы, где она.

На стук в парадную дверь никто не отозвался, но, обогнув дом и толкнув калитку на задний двор, они увидели под навесом для машины, в желтой тени гофрированной стеклопластиковой крыши, старый зеленый «Рамблер-универсал». Дафна села, положив ногу на ногу, и посмотрела на отца, щурясь от солнца.

— Почему она назвала сарай Калейдоскопом?

— Потому что...— отец засмеялся.— Все его так называли. Не знаю почему.

Он собирался сказать что-то еще, но прикусил язык. Дафна вздохнула и снова посмотрела на сарай.

— Пойдем кирпичи оттуда поубираем. Я берусь отгонять пауков,— предложила она.

Отец покачал головой.

— Я вижу отсюда, что дверь на засове. Нам бы и здесь околачиваться не следовало, когда Грамотейки нет дома.

Грамотейкой старушку называли в семье, и от этого Дафне она нравилась еще меньше.

— Мы должны, должны разобраться, а вдруг она в самом деле подожгла его, как рассказывала. Вдруг она...— девочка быстро соображала,— вдруг она потеряла там внутри сознание от паров бензина. А может, она имела в виду, что только собирается его поджечь.— И как бы она тогда заперла дверь снаружи?

— А если она упала в обморок за сараем? Она ведь звонила тебе насчет сарая, и на стук в дверь не ответила, и машина на месте.

— Ну...— отец прищурился и покачал головой, а Дафна поспешила продолжить.

— Решись — и нам удастся все! — продекламировала она.— Может, там и вправду золото под кирпичами. У нее ведь была куча денег!

Отец с рассеянной улыбкой подхватил цитату:

— Так решено! ¹ Какие-то деньги она, как я слышал, получила в пятьдесят пятом.

— Сколько же ей тогда было лет?

¹ Дочь и отец цитируют «Макбета».

Дафна, вскочив, принялась отряхивать юбку сзади.

— Думаю, около пятидесяти пяти. Теперь ей, наверное, уже восемьдесят семь. А деньги она держит в банке.

— Только не в банке — она же хиппи!

Дафна и в двенадцать лет побаивалась своей прабабки, с вечной сигаретой в зубах, с гривой седых волос, со скрежещущим немецким акцентом и морщинистыми щеками, вечно мокрыми от искусственных слез, которые она покупала в «Трифти» в маленьких флакончиках. Дафне никогда не позволяли даже заглядывать к старушке на задний двор, так что сегодня она впервые перешагнула через заднее крыльцо дома.

— Или ведьма,— добавила девочка и заранее, заранее робея перед походом к сараю, взяла отца за руку.

— Она не ведьма,— засмеялся тот.— Да и не хиппи. Она слишком старая, чтобы быть хиппи.

— Она ездила в Вудсток. А ты в Вудстоке никогда не был.— Она, наверное, поехала, чтобы продать свои ожерелья.

— Готова поспорить — в качестве оружия,— сказала Дафна, вспоминая неуклюжие талисманы. Один такой старуха подарила Дафне на седьмой день рождения — ожерелье с каким-то камнем. В тот же день девочка чуть не получила сотрясение мозга, размахивая им направо и налево; когда полгода спустя умер ее любимый кот, она похоронила ожерелье вместе с ним.

Девочка попыталась внушить отцу мысль: «Давай проверим сарай».

— Хиппи не носят оружие. Ладно, пойду загляну за сарай.

Он двинулся вперед, держа дочку за руку и осторожно ступая по сухой траве и высокому зеленому бурьяну. Его коричневые кожаные берцы выжимали из жестких стеблей запах креозота.

— Смотри, куда ступаешь,— посоветовал он через плечо.— Какой только хлам у нее тут не валяется.

— Старый хлам,— отозвалась Дафна.

— Детали автомобильных моторов, обломки кондиционеров, я бы не удивился, увидев средневековый доспех. Может, я возьму тебя на руки? Ты так все ноги исцарапаешь.

— Я хоть и тощая, но для тебя слишком тяжелая. Тебя удар хватит.

— Я бы и двух таких девчонок, как ты, унес — по одной на каждом плече.

Они шагнули в тень дерева, и отец отдал Дафне свою коричневую вельветовую куртку.

Он покачал головой, словно осуждая дурацкую затею, потом ломанулся через стену зарослей и скрылся за углом сарая. Дафна слышала, как он цепляется за заднюю стену постройки, ругается и стучит досками.

Сложив его куртку, девочка сунула ее под мышку левой руки и подошла к двери. Свободной правой рукой она взялась за коричневый засов и потянула задвижку. Ржавая железка, не удержавшись в дереве, отвалилась целиком, вместе с замком.

Через пару секунд из-за дальнего угла появился отец, красный и потный. Его белая рубашка была в пыли и паутине.

— Ну, за домом ее нет,— проговорил он, вытряхивая из волос сухие листья.— По-моему, в сарай она месяцами не заходила. Даже годами. Идем отсюда!

Дафна показала ему ржавый засов и замок, бросила их на землю и вытерла пальцы о розовую блузку.

— Я дверь не ломала,— пояснила она.— Болты просто воткнули в дыры.

— Господи, Дафна,— ответил отец.— Никто тебя ругать не собирается.

— Знаю, дело в том, что замок просто висел кое-как, втиснутый в отверстие; кто-то его выломал, а потом пристроил на место. И еще,— она наморщила нос,— здесь пахнет бензином.

— Не пахнет.

— Честно, я слышу запах!

Оба знали, что обоняние у девочки лучше, чем у отца.

— Просто тебе не терпится начать искать золото.

Все же он, вздохнув, потянул за дверную ручку из фиолетового стекла, и дверь со скрипом распахнулась, проскользив над сухой травой.

— Может, она хранит тут виски,— слегка нервничая, предположила Дафна.— А ночью забирается в сарай и пьет.

Отец рассказывал ей про дядю Бенни, который держал бутылку виски в гараже, и поэтому там же вел все дела.

— Не пьет она виски,— рассеянно возразил отец, пригибаясь, чтобы заглянуть внутрь.— Жаль, мы не взяли фонарика — здесь кто-то половину пола разворотил.— Разогнувшись, он выдохнул.— И я тоже чувствую запах бензина.

Дафна пригнулась и заглянула в полутемный сарай из-под отцовского локтя. Цементная плита, примерно два на два фута, стояла на ребре, прислоненная к